

ГРАЖДАНСКОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347

ЭКЗЕГЕЗА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ФРАНЦИИ 1804 ГОДА

канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается период экзегезы, или толкования, наиболее известного кодифицированного акта в истории гражданского права – Гражданского кодекса Франции 1804 года. Акцент делается на французские источники, относящиеся к первой половине XIX века, которые ранее не переводились на русский язык и не были доступны для изучения широкому кругу исследователей. Первый опыт толкования Гражданского кодекса остался за рамками большинства научно-исследовательских работ зарубежных авторов и не был объектом комплексного научного исследования отечественных ученых. Анализируются способы толкования Гражданского кодекса, а также приводятся комментарии отдельных его норм. Особое внимание уделяется работам французских исследователей, которые содержат указание на наиболее существенные ошибки кодифицированного акта и предложения по их устранению. Показаны наиболее значимые достоинства кодекса, значение его положений, касающихся собственности, лиц, положения женщины в браке, а также затрагиваются общие вопросы о сущности и происхождении права.

Ключевые слова: гражданский кодекс, гражданское право, договор, закон, право, Кодекс Наполеона, римское право, текст, толкование.

История Гражданского кодекса продолжилась после его принятия и промульгации. Представляя с исторической точки зрения уникальный документ, отобразивший состояние французского общества, состояние права и отношений, регулируемых этим правом, кодекс представлял собой сложный нормативный правовой акт, применение которого требовало не просто юридических знаний, но и глубокого понимания в целом основных начал и смысла гражданского права. С другой стороны, процесс адаптации положений, содержащихся в кодексе к правовым реалиям, формировавшимся во Франции с начала XIX века испытывал на себе воздействие самых различных факторов, происходящих из области права, политики и экономики.

Наиболее серьезным препятствием на пути к единообразному применению норм Гражданского кодекса оставались вековые юридические традиции, сложившиеся в условиях утвердившегося деления источников права: писаного права (*paus de droit écrit*) и обычного права (*paus de droit coutumier*). Сложившаяся в юридическом сообществе привычка смотреть на мир сквозь призму разделенного права мешала восприятию Гражданского кодекса в качестве единого закона. Еще оставалось как данность негласное деление юристов на знатоков и приверженцев римского права и кутюмного права. Комментарии статей Гражданского кодекса как во время его обсуждения, так и после принятия и опубликования все еще строились на анализе положений римского права и права отдельных провинций Франции. Для того чтобы перестроить сознание и мышление судей, прокуроров, адвокатов и нотариусов, требовалось немало времени и усилий. Таким образом, с точки зрения проблемы разделенного права Гражданский кодекс мог восприниматься современниками в двух ипостасях: как единый для всей Франции гражданский закон, предполагавший единообразное применение закрепленных в нем норм, и как своеобразное собрание элементов римского права и важнейших кутюмов, чаще всего кутюмов Парижа.

Применительно к ближайшим перспективам применения норм Гражданского кодекса, осмысления правовой сущности содержащихся в нем норм и возможности их правильного прочтения интерес представляют идеи Великой французской революции XVIII века. Неоспоримо влияние французской революции на государство и общество не только в самой Франции, но и за ее пределами. Революция и последовавшие за ней события привели к изменению в государственном строе Франции, преобразовали систему государственного аппарата, военную и полицейскую систему. Укреплялись правовые основы нового строя, в том числе посредством преобразования судебной системы, органов законодательной власти, осуществления кодификации. Идеи революции, многие из которых заимствовались у знаменитых просветителей Франции XVIII века нашли отражение не только в Декларации прав человека и гражданина (1789), где материализовались в виде общих принципов права (например, «все, что не воспрещено законом, то дозволено»), они распространились и на область правотворчества, что можно было заметить уже на стадии обсуждения проекта Гражданского кодекса. Многие нормы законопроекта проверялись на их соответствие идеям революции. Выступая по проекту Гражданского кодекса перед Законодательным корпусом

19 марта 1804 года трибун Лахари, в частности, отметил, что после гражданской свободы и личной безопасности нет ничего более священного и неприкосновенного, чем собственность [1, с. 535]. Трибун Гренье, выступая 16 февраля 1804 года в Трибунате по Титулу XVIII «Привилегии и ипотеки» Книги III Гражданского кодекса, произнес следующие слова: «Нет сомнений, что в век революций идеи свободы будут подвергаться нападкам, Гражданский кодекс будет сильной преградой, которая сможет противостоять предосудительности и разрушению» [1, с. 509]. Представляя проект Титула IV Книги III 2 февраля 1804 года перед Законодательным корпусом, Биго де Преаменю отметил, что правила, установленные в Гражданском кодексе, принуждают к человеческим чувствам и великодушию, что отличает французский характер – они согласуются с уважением, достоинством человека и его личной свободой, что должна иметь каждая цивилизованная нация [1, с. 157]. В последующих неофициальных толкованиях норм Гражданского кодекса нередко делались отвлеченные ссылки на идеи, рожденные революцией.

Другим воздействующим на область применения норм права фактором может считаться церковный фактор, выражающийся в том значении, которое придавалось церкви как институту, так или иначе влиявшему на процессы правотворчества и правоприменения. Революция 1789–1799 годов и Конкордат, который скрепили своими подписями 15 июля 1801 года Первый Консул Республики и Его Святейшество Верховный первосвященник Пий VII, оказали заметное влияние на положение церкви. Тот традиционно высокий уровень, который занимала церковь в системе имущественных отношений, будучи крупнейшим землевладельцем, предопределял активность высшего духовенства в вопросах, касавшихся регламентации сделок с недвижимым имуществом, независимо от случая – продажа это, дарение или наследование. Кроме того, оставались еще неизменно патронированные церковью брачно-семейные отношения. Теперь же, после революции и конкордата, приходилось приспосабливаться к изменившимся условиям, зачастую отказываясь от той заметной роли, которую играла католическая церковь в такой важной области, как право. Так, с октября 1789 года до середины следующего года тянулось решение вопроса о церковном имуществе и вместе с тем о положении духовенства во вновь создаваемом государстве. При рассмотрении нужд казначейства указывали на это богатое имущество, 3 миллиарда по оценке, и в теории преобладающей партии было положено, что это имущество принадлежит народу [2, с. 696]. В соответствии со статьей 13 Конкордата Его Святейшество для блага мира и благополучного восстановления католической религии объявляет, что ни он, ни его преемники никаким образом не будут препятствовать приобретателям отчужденного церковного имущества и, следовательно, права собственности на это имущество, права и доходы, с ним связанные, останутся бесспорными в их руках или в руках их наследников [3, с. 78].

Несмотря на произошедшие изменения, церковь продолжала играть значительную роль в жизни государства и самих верующих. По-прежнему считалось вполне обычным делом составлять разъяснения, выходящие из-под пера католического духовенства по правовым нормам, в том числе и нормам Гражданского кодекса. Издавались значительные по объему труды, такие как уже упоминавшийся ранее «Комментарий Гражданского кодекса и разъяснения в соотношении с моральной теологией и каноническим правом» аббата Гюссе (1843) или «Комментарий Гражданского кодекса, предназначенный духовенству в их отношениях с моральной теологией, каноническим правом и политической экономией» аббата Аллегрэ (1888).

Работа Аллегрэ дает общее представление об изданиях, патронировавшихся католической церковью и содержащих толкование положений Гражданского кодекса. Главная цель данной работы заключалась в «передаче духовенству каких-либо познаний гражданского права» и предназначалась духовенству, адвокатам и католическим магистрантам. Автор указывает на тесный союз права и теологии. «Гражданский закон выражение правосудия и обязывает по совести перед Судом божественным, где священник судья» [4, с. 4]. Значительное место Аллегрэ уделяет проблеме происхождения права и его природе. Здесь автор не разделяет взгляды современной школы философии Франции, Италии, Германии, Швейцарии, а также взгляды современных английских философов. «Мечта этих реформаторов отстранить Церковь от общественного порядка, и они уже утверждают, как будто право неотъемлемое и священное, власть мысли, написанного и действия, с неограниченной свободой и без ответственности. Это печальное зрелище! И я сознаю, что эта работа неблагодарная, внимательное следование усилиям и развитию блуждающих умов, которые пытаются привнести безбожие в самую сущность права» [4, с. 1]. Больше всего досталось Прудону. По мнению Аллегрэ, «Прудон самый откровенный и самый смелый из этих теоретиков безбожия в праве: “Кто вас освободит, – пишет Прудон, – метафизические существа, врожденные идеи, логос (du logos), бессмертные души, и Высшее бытие? Так, ясно видно, это причина вашего горя, и не во вторую очередь – вашего падения”. Это вторжение безбожия в правовую науку», – заключает автор [4, с. 2]. Высказывая собственные суждения относительно таких понятий, как свобода, мораль и право, Аллегрэ отмечает: «Ни животные, ни растения не имеют прав. Право есть, когда можно сказать: это мое, уважайте мою собственность. Я также признаю, что эти свойства, которые мы называем разумом и свободой обеспечивают человека высоким моральным достоинством и уважением; но если свобода есть условие права, она не существо права. Итак, право основывается на свободе человека, и этой свободы не сущест-

вует. Свобода заключается в высоком, в том, чтобы поступать хорошо, и свобода – основа права, неприкосновенное и святое состоит в желании ошибки и порока, опускаться, совершать плохое. Сатана, воплощение ошибки и порока, будет иметь права, если он тихо жил среди нас» [4, с. 12].

Автор рассуждает о естественном праве, делает ссылки на теологическую и философскую литературу, в том числе ссылается на Ульпиана, Св. Ф. Аквинского, Суареса, Тиерселина, Бэкона, Лесиуса, приводит слова Бэкона: «Мораль для объекта внутренняя радость, и наука гражданская или право, внешняя радость» (Vascon. De augmentis scien tiavum, liber VIII, cap. I) [4, с. 33]. Много места в книге уделено этимологии слов «закон» и «право», делению права на отрасли. В специальном разделе говорится о Гражданском кодексе, истории его создания и последующих общих изменениях, об источниках Гражданского кодекса. Книга II издания посвящена постратейному комментарию к Гражданскому кодексу; книга III – различным способам, посредством которых приобретает имущество.

Последовавший за принятием Гражданского кодекса период стал экзегетическим (экзегеза, греч. – разбор, объяснение, истолкование). Этот период интересен тем, что эта часть истории Гражданского кодекса позволяет приблизиться к пониманию вопросов, малоисследованных в юридической литературе, таких как толкование норм права во Франции с начала XIX века, или таких сложных и традиционно дискуссионных тем, как источники романо-германского права.

Гражданский кодекс как состоявшаяся реальность своего времени неуклонно позиционировался в качестве единого для Франции закона и был одним из тех объединительных начал, которые способствовали укреплению процесса национальной идентификации. В такой ситуации требовалось единство в подходах к пониманию смысла норм Гражданского кодекса, что было одним из условий единообразного применения этих норм на практике.

К тому периоду времени, когда принимался Гражданский кодекс, сущность толкования и его виды были постоянной темой многих работ по праву. Французская правовая доктрина наполнялась понятиями толкования и изложением его принципов и методов. Характерная особенность работ, посвященных толкованию (La interprétation), состояла в их чрезмерном с позиций сегодняшнего времени наполнении пространными положениями и рассуждениями относительно различных сторон толкования и его сущности. Примером может служить известная работа М.А. Меилер де Шасса «Толкование законов» (De l'interprétation des lois) запасного судьи Суда первой инстанции Сены, изданная в 1825 году. В начале своей книги автор делает подробный обзор работ по теме, ссылаясь на Домá, Потье, Бэкона, Лейбница, Локка, Декарта, Кондиллака, «философские работы» Аристотеля, но впоследствии наиболее часто ссылается на труд Тибо «Теория интерпретации законов» («Théorie de l'interprétation des lois»). В прелиминарном титуле Книги I автор говорит о том, что вся юридическая наука может делиться на три большие части: 1. Дидактика права. 2. Общая история права. 3. Экзегеза или наука толкования. Толкование с целью наделить смыслом непонятный текст, когда что-то непонятно или варваризм слов, или недостатки выводов или языка, дефектный характер исполнения переписчиком или печатником. Указывая на то, что система правил, применяемых для толкования права, получила название «d'herméneutique du droit» (герменевтика права), автор называет три вида толкования: 1. Доктринальное. 2. Обычное или правовое. 3. Аутентическое, а также различные способы толкования, в том числе логическое толкование, ограничительное толкование, декларативное толкование [5, с. 343]. Работа Меилер де Шасса носит не только сугубо теоретический характер, развивая теорию толкования и рассматривая его виды и способы, автор касается положений Гражданского кодекса и приводит конкретные примеры со ссылкой на отдельные статьи кодекса. Особенность работы состоит и в том, что часть нормы Гражданского кодекса оцениваются с точки зрения филологии права. Автор обращает внимание на несовершенную редакцию отдельных статей, указывая, например, что в характере изложения статей 786, 1112, 1302 и 2146 Гражданского кодекса проявляется ущербность элементарных принципов языка: автор хотел бы отредактировать статью 786 таким образом, чтобы вместо «если он единственный, **оно** достается на долю последующей степени» указать «если он единственный, **наследство** достается на долю последующей степени»*. Кроме того, автор предлагает внести поправки в тексты статей 1112, 1302, 2146. Предметом филологического толкования, по мнению Меилер де Шасса, являются сугубо тексты, в том числе: установление времени написания текста; вид или жанр стиля (текста); характер текста; сиглы (sigle) или использованная аббревиатура; интерполяции и искажения текста и др. Отдельные главы в книге посвящены метафизике, грамматике, риторике и логике. В частности, говоря о логике, автор подчеркивает, что логика дает нам возможность определить порядок и используемый законодателем метод при определении концепции и редакции закона [5, с. 26]. Значительное место в книге уделено периодизации римского права, внутренней истории

* Имеется в виду статья 786 Титула I «Наследование» Книги III Гражданского кодекса, в которой автор предлагает заменить неопределенное «elle» на «succession» (наследство, наследственное имущество). Речь идет о случаях отказа от доли одного из наследников и передаче доли лицу, имеющему право наследовать исходя из положений о степенях родства во французском наследственном праве (примеч. В. Б.).

французского права, источникам Гражданского кодекса, естественному праву, морали и этике, толкованию обычаев и судебной практики, аутентическому толкованию.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение изданных в 1856 году «Курсов французского гражданского права» («Cours de droit civil français»). В высшей степени оригинальная работа была подготовлена Обри и Рау. Обри являлся «деканом и профессором Кодекса Наполеона на страсбургском факультете права, запасным судьей суда того же города; Рау – профессором Кодекса Наполеона на страсбургском факультете права, запасным судьей суда того же города, Кавалером Ордена Почетного легиона» [6, с. 602]. Работа примечательна тем, что основывается на известном и изданном ранее учебнике профессора университета в Гайдельберге Захариа (C.-S. Zachariae). Интересно, что задолго до 1856 года Обри и Рау уже издавали с согласия Захариа переработанные и дополненные «Курсы французского гражданского права», но вышедшие в свет в совсем ином формате – в виде постатейного комментария Гражданского кодекса Франции.

В издании 1856 года специальный раздел посвящен Кодексу Наполеона. Так, говорится о том, что Кодекс Наполеона включает в себе теорию общего гражданского права и некоторые положения практического и процессуального права [6, с. 10–11]. Излагается история подготовки проекта Гражданского кодекса и достаточно подробно описаны процедуры его обсуждения и принятия. Дается характеристика последующих официальных изданий кодекса, представлен процесс его проникновения в другие страны, рассматриваются источники Кодекса Наполеона. Специальный раздел посвящен делению французского гражданского права: рассматриваются теоретическое гражданское право («Droit civil théorique»); практическое гражданское право («Droit civil pratique»); специальное гражданское право («Droit civil special»). В книгу также вошли следующие параграфы: промульгация и опубликование законов; опубликование декретов и ордонансов; незнание или заблуждение в праве; отмена законов; конфликт новых законов со старыми законами; конфликт французских законов с иностранными законами; *искусство толкования законов; толкование Кодекса Наполеона*; история французского гражданского права; старое французское гражданское право; французское промежуточное гражданское право; конституционное право; административное право; библиография французского гражданского права; юридические лица; физические лица; действие гражданской смерти («de la mort civile»); состав семейного совета; акты семейного совета; опека отца и матери; о различных видах опеки; об опекунах; о несовершеннолетних и т.д.

Большой интерес представляют приводимые в книге разделы специального гражданского права (Droit civil special):

1. *Право семьи царствующего дома*. Основные положения содержались в Статуте императорской семьи от 30 марта 1806 года*, Sénatus-consulte [7] от 7 ноября 1853 года и Статуте от 21 июня 1853 года.

2. *Право, касающееся La liste civile*, гражданского листа, определяющего содержание главы государства, дотации Короны и частного владения главы государства. Основные положения были включены в Sénatus-consulte от 1 февраля 1810 года, закон от 8 февраля 1814 года, закон от 2 марта 1832 года, Sénatus-consulte от 14 января 1852 года, Sénatus-consulte от 12 декабря 1852 года.

3. *Право майоратов*.

4. *Гражданское право*, специально касающееся военных и других, приравненных к ним лиц.

5. *Право, специально касающееся евреев*. Декрет от 17 марта 1808 г.

6. *Право торговое*. Торговый кодекс состоит из 648 статей и разделен на четыре книги. Он содержит в себе помимо этого некоторые положения конституционного права и процессуального права, специальные положения гражданского права о торговцах и актах или торговых договорах наземных или морских. В случае пробела в Торговом кодексе необходимо прибегнуть к предыдущим частным законам, которые этот Кодекс не отменил, торговым обычаям и общему гражданскому праву, как говорит Кодекс Наполеона [6, с. 30].

7. *Гражданское право обществ по кредитованию операций с недвижимостью*. Декрет от 28 февраля 1852 года, декрет от 28 марта 1852 года, декрет от 18 октября 1852 года, декрет от 31 декабря 1852 года, закон от 10 июня 1853 года, декрет от 21 декабря 1853 года, декрет от 26 июня 1854 года.

8. *Право аграрное*. Закон от 28 сентября 1791 года; закон от 6 октября 1791 года. Проект Аграрного кодекса составлен во времена Империи... был подвергнут проверке в комиссиях, учрежденных в ведомстве каждого имперского суда и состоявших из судей, администраторов и землевладельцев. Но проект этот никогда не был принят законодателем [6, с. 42].

9. *Право лесное*. Лесной кодекс от 21 мая 1827 года; ордонанс от 1 августа 1827 года; законы, касающиеся распашки земли от 4 мая 1837 года, 22 июля 1847 года, 22 июля 1850 года.

На примере данного издания хорошо прослеживается связь между изучением источников Гражданского кодекса и последующим толкованием норм кодекса. Рассмотрение таких источников кодекса,

---

* В год X (1802) пересмотрена Конституция. В результате усилена позиция сенаторов. С тех пор Сенат будет управлять через акты, имеющие силу «Sénatus-consulte» во всех вопросах, не предвиденных Конституцией, и когда необходима политическая акция режима.

как кутюмы, римское право, королевские ордонансы и промежуточное право, позволяло уяснить сущность многих институтов и смысл многих норм Гражданского кодекса. Не случайно издававшиеся в последующем комментарии к кодексу изобилуют ссылками на кутюмы, королевские ордонансы и римское право, а в период после принятия Гражданского кодекса было переиздано множество работ известных французских юристов, таких как Потье или Дюмулин.

Одним из ярких примеров использования истории права в целях толкования Гражданского кодекса может служить изданная в 1833 году работа Г. Климрача «Эссе на изучение истории права и его использовании для толкования Гражданского кодекса» («Essai sur l'étude historique du droit et son utilité pour l'interprétation du Code civil»). Работа начинается с изложения вопросов, касающихся общей истории права, а затем римского и французского права. Автор отмечает, что «право гражданское, как право политическое, как нравы, как наука и искусство, как все, что составляет историю человечества, состоит из двух неотъемлемых элементов: исторического, традиционно консервативного; философского, новаторского, рационального» [8, с. 11]. В работе есть рассуждения о международном публичном праве и о праве частном. Автор насчитывает девять отраслей права и дает их общую характеристику. Рассматриваются отдельные статьи Гражданского кодекса, в том числе статьи 6, 791, 896, 908, 909, 918, 1099, 1130, 1597, 1965 и др. Ссылаясь на статьи 1101, 1108, 1370 Гражданского кодекса, автор называет пять различных оснований обязательств: договоры; квази-договоры; деликты; квази-деликты; закон. Анализируя статьи 543, 2071, 2072, 2073, 2094, 2095, 2114, 2118 и другие, Генрих Климрач различает разновидности вещного права: право собственности; usufrukt; право пользования; право проживания; сервитут; заклад; антихрез; привилегию; ипотеку [8, с. 90].

С точки зрения изменений во взглядах на Гражданский кодекс, изменений, происходящих во французской правовой доктрине в целом, интерес представляют работы, изданные во второй половине XIX века. Также вызывает интерес книга Карла Брошэ, изданная в 1870 году, уже потому, что написана учеником Савиньи, который на момент подготовки работы к изданию являлся профессором права, членом Кассационного суда кантона Женева. В самом начале своего труда автор анонсирует используемые им при написании книги элементы толкования: исторический, систематики, логический, философский, грамматический. Каждому из названных элементов автор уделяет достаточно большое внимание. Разбирая грамматическое построение отдельных словосочетаний, используемых в Гражданском кодексе, Брошэ дает оценку грамматическому смыслу статьи 408 Гражданского кодекса в части, касающейся семейного совета [9, с. 23]. Значительное место уделено историческому элементу. Говорится об исторической миссии кодексов, в том числе Гражданского кодекса, о роли истории римского права, о делении территории Франции на право писаное и право кутюмное, о церкви, христианстве, каноническом праве. Пространственные рассуждения, тем не менее, завершаются важными выводами. Так, ведя заочную дискуссию с оппонентами, утверждающими, что Гражданский кодекс ничего нового из себя не представляет, а вообрал в себя лишь кутюмы, римское право, ордонансы, Брошэ отмечает, что «Гражданский кодекс не воспроизводит ни каноническое право, ни римское право, ни германские обычаи, ни доктрину или только более или менее известного автора времен кодификации; он представляет в развитии и примирении различные элементы, собранные в одно общее для образования одной и той же системы» [9, с. 34]. Весьма интересно мнение автора, когда он говорит о современной роли римского права: «...римское право приобрело абстрактный характер и общность, которые составляют его силу и его широкое влияние на современное право» [9, с. 35]. Не оставлен без внимания и вопрос, касающийся истории принятия Гражданского кодекса, в том числе процесса обсуждения и отдельных подробностей, представляющих интерес для исследователей, занимающихся историей Гражданского кодекса. «Я, не колеблясь, говорю о большом превосходстве Гражданского кодекса над законодательством, принятым в противоположной системе (имеется в виду старое французское право, прим. – В. Б.). Разумно, что Государственный совет отказался сохранить старое право с дополнительной силой в случае, если не находится решения в Гражданском кодексе, как предлагал консул Камбасерес. Это решение было единственно верным в системе кодификации» [9, с. 74].

Описывая логический элемент, Брошэ ссылается на труды Тибо и Савиньи*, рассматривая значение логики для процесса толкования. В качестве примера анализирует статьи 454, 455 и 456 Гражданского кодекса, касающиеся опеки отца и матери. При рассмотрении индукционного метода делаются ссылки на римское право и статьи: 444, 457, 483, 578, 637, 1134, 1188, 1352, 1719, 1743, 2093 и другие. Рассматривается соотношение статей 1341, 1319, 1322, 1330 Гражданского кодекса и отдельных норм Торгового кодекса. Анализируется статья 109 Торгового кодекса в контексте института продажи (la vente). В специально отведенном разделе описывается значение аналогии как способа толкования. Брошэ подчеркивает, что «... аналогия есть основание параллельного сходства положений» [9, с. 148]. Кроме того, отдельное

* Работа «System des heutigen römischen Rechts», Band I, Seite 214, в которой Савиньи говорит о том, что «Логический элемент – линия в процессе мышления».

место уделено аналогии как средству толкования в «узком смысле», ограничениям, которые закон может предписывать при использовании аналогии, аналогии используемой с аргументами, с методом индукции и с противоположной аргументацией. Подкрепляя свои рассуждения ссылкой на конкретные статьи Гражданского кодекса (в том числе статьи 1733, 1315, 1728, 1136, 1251, 1214, 2033), автор работы делает заключение: «Мы видим, что аналогия может быть вызвана не только необходимостью устранения пробела в законе, но еще для устранения трудностей, которые возникают в результате неясности текстов» [9, с. 183]. Заключительная часть работы Брошэ посвящена философскому элементу толкования.

Примером философского толкования норм Гражданского кодекса может служить работа Д. Фоллевиля «Понятие права и обязательства (философское предисловие к учению о гражданском кодексе)», «адвоката Апелляционного суда, профессора Гражданского кодекса на факультете права, вице-президента международной ассоциации по реформе и кодификации международного (публичного) права» [10]. Для изучения Гражданского кодекса автор использовал два метода: догматический и экзегетический. Первая глава книги посвящена философским учениям, морали и праву, в том числе «различным делениям права». Основываясь на положениях римского права, Д. Фоллевиля указывает, что «законы действительно могут быть разделены на четыре вида: законы императивные, законы, устанавливающие запретительную норму, законы, устанавливающие разрешительную норму, законы уголовные» [10, с. 23]. Здесь автор делает ссылку на Dig. De Legibus, Liv. I, tit. 3 «Legis virtus est: imperare, vetare, permittere, punire» (Добродетель закона есть: повелевать, запрещать, разрешать, наказывать). Приводятся высказывания Мирабо («Чтобы ни случилось, право есть и будет оставаться законным правителем, господствующим и необходимым миру») и Руссо («Закон есть выражение общей воли») [10, с. 18, 27]. Касаясь системы права, автор предлагает различать следующее деление права: 1. Право естественное и право позитивное. 2. Право гражданское и право международное публичное. 3. Право публичное и право частное. 4. Право торговое и право гражданское. 5. Право определяющее и право санкционирующее. 6. Право писаное и право неписаное, или обычное. 7. Криминальное право и уголовное право. 8. Право административное и право конституционное. 9. Право земельное [10, с. 31–32]. Один из редких случаев, когда автор анализирует отдельные нормы Гражданского кодекса, – это ссылка на статьи 203, 212, 371, 1134, 1382. При этом он делает следующий вывод: «Нам не составит труда доказать, что нормы морали более святы, более очевидны, они изложены в наших позитивных законах, из-за намерения законодателей прекратить любую неопределенность и уничтожение любого антагонизма между правом естественным и правом гражданским» [10, с. 35]. Значительное место уделено рассуждениям о различиях между правом гражданским и правом торговым, о праве публичном и праве частном. Вторая глава книги посвящена «краткой теории разграничения видов обязанностей или обязательств». Ссылаясь на статьи 1101, 1108, 1370 Гражданского кодекса, Фоллевиля называет пять различных оснований возникновения обязательств: 1. Договоры. 2. Квази-договоры. 3. Деликты. 4. Квази-деликты. 5. Закон. Анализируя статьи Гражданского кодекса 543, 2071, 2073, 2094, 2095, 2118 и другие, различает девять разновидностей вещного права: право собственности; usufruct; право пользования; право проживания; сервитут; заклад; антихрез; привилегия; ипотека.

Обращает на себя работа Ф. Лассалья «Отличительные свойства Кодекса Наполеона» («Des Caractères distinctifs du Code Napoléon») [11], изданная в Париже в 1811 году. Работа интересна тем, что написана еще в то время, когда Наполеон Бонапарт находился у власти (в книге есть критические замечания в адрес Наполеона как законодателя), и прошло совсем немного времени после промульгации Гражданского кодекса. Труд Лассалья может быть отнесен к числу комплексных научных исследований Кодекса Наполеона отличающегося четкостью изложения, наличием аргументации и авторского мнения по излагаемым проблемам. Автор поставил перед собой вполне конкретную задачу – выявить и охарактеризовать особенности Кодекса Наполеона, отличающие его от других законодательств. Работа разделена на титулы и части, посвященные системе кодекса, источникам кодекса, принципам, которыми руководствовались редакторы, а также самой редакции кодекса и его новеллам. Особенность издания – выраженная критическая направленность, стремление автора подчеркнуть слабые места кодекса, выявить ошибки его составителей. Труд Лассалья – работа совсем не типичная для своего времени, поскольку не содержала похвалы и восторга по поводу Кодекса Наполеона. Касаясь системы кодекса, Лассаль отмечает условность самого понятия «система», поскольку то, что впоследствии было декларировано как единый кодекс французов, оказалось объединением 36 законов, каждый из которых был обсужден и промульгирован отдельно. Вместе с тем автор признает, что эти законы не были расположены случайно, в произвольном порядке, но образуют единый ансамбль, который включает более полно, чем может показаться на первый взгляд, все материи частного права [11, с. 123].

Во втором титуле своей работы Лассаль рассматривает источники Кодекса Наполеона: римское право, право кутюмов, старые ордонансы, судебные решения и промежуточное право. Автор не проводит глубокого и всестороннего исследования источников кодекса, но, давая их общую характеристику, выделяет присущие им отличительные черты. В частности, он указывает, что мы различаем законодательство по форме актов гражданского состояния и по вере, которая связана с их справедливостью, принципом

секуляризации. Первое происходит от старых ордонансов и деклараций, второе принадлежит законодательству промежуточному [11, с. 42]. Подчеркивается новое качество института брака, который оказался свободным от религиозных догм после принятия в 1792 и 1793 годах законов, подготовивших благодатную почву для Гражданского кодекса в части регулирования брачно-семейных отношений. Был принят еще целый ряд законов, оказавших положительное воздействие на редакцию кодекса, в том числе закон от 18 декабря 1790 г. о выкупе ренты, нормы которого отражены в статье 530 Кодекса и закон от 1 ноября 1798 г., касающийся договорной ипотеки.

Работа Лассалья примечательна тем, что в ней отдельное место уделено внимание такому источнику Гражданского кодекса, как судебное постановление. Во французской юридической литературе, посвященной Кодексу Наполеона, обычно исследовались все другие источники кодекса, вопрос же, касающийся судебных постановлений, их места в системе источников, оставался чаще всего вне поля зрения специалистов. Автор говорит о том, что каждое судебное постановление, хотя и сделано в каждом конкретном случае и ограничено в своем исполнении, содержит, однако толкование, которое заслуживает внимания юристов, как будто сделано после тщательного обсуждения на совещании юристов. Создание кассационного суда рассматривается Лассалем как «единственное средство достичь счастливого результата совершенной гармонии между юриспруденцией и законодательством, и запечатлеть первую печать единообразия, что таким благопристойным образом характеризует новое законодательство» [11, с. 44].

В титуле третьем обозначены принципы, которыми руководствовались редакторы Гражданского кодекса. Автор выделил пять принципов и дал их подробную характеристику. *Принцип первый* сводился к стремлению примирить и сбалансировать различные законы, к которым обратились при подготовке кодекса. Сложность работы заключалась в попытках примирения римского законодательства и кутюмов, в попытках согласовать систему общего гражданского законодательства, новых институтов, созданных в период революции. *Второй принцип* касался удаления из редакции Гражданского кодекса всего того, что относится к доктрине. Кодекс должен быть догматическим. Закон никогда не должен быть рассуждением или диссертацией. Согласно этому принципу кодекс содержит положения, которые не могут быть отброшены, так как содержат законодательные предписания; кодекс не содержит никаких норм нравственности и не содержит доктрину, поэтому не правы те, кто упрекал кодекс как имеющий недостатки, не содержащий понятий гражданских прав, брака, усыновления, добровольной опеки, советника, назначаемого судом над слабоумным, родства, естественных обязательств и т.д. Никакие дефиниции не могут предоставить позитивное правило, которое могло бы служить путеводителем судье в его решении по частному спору. Автору видится противоречивым и ненужным деление договоров (ст. 1102, 1106), обязательств (ст. 1168), условий (ст. 1169, 1171), особенно правил о толковании приглашений (ст. 1145, 1164), которые свободно можно было оставить для науки. Содержание *третьего принципа* сводилось к стремлению найти баланс между слишком большим количеством общих положений и такими мелочами, как незначительные частные случаи. Закон, содержащий большое число положений, относящихся к правоприменительной практике, обязательно многословный и пространный; гипотезы, которые строятся на практике, очень редко совпадают с гипотезами, по которым постановлен закон, и невозможно предвидеть все то разнообразие общественных отношений, которые возникают ежедневно. *Четвертый принцип* касался специальных правил о форме гражданских сделок и обеспечения доказывания. Существуют различные переплетения, когда необходимо проводить различия между положениями, касающимися формы сделок. Иногда сделки требуют письменной формы, как условие их действительности; письменная форма может быть дополнена, в сущности, подобным актом, либо может быть любое другое подтверждение. *Пятый принцип* означал позицию законодателя, выраженную в особой заботе к интересам незащищенных лиц, когда их положение дает специальное право на защиту со стороны государства. Эта озабоченность проявлялась в создании нововведений об опеке.

Значительный интерес представляет часть вторая работы «Редакция Кодекса Наполеона», в которой говорится о недостатках кодекса, а также о соотношении кодекса с основными институтами Империи, обычаями и привычками французской нации. Лассаль признает, что редакция кодекса отличается выраженной ясностью, точностью и простотой его положений. Однако указывает, что «мы, к сожалению, не воспользовались новой редакцией Кодекса для того, чтобы вставить в текст некоторые положения Государственного совета, по которым были споры относительно применения отдельных статей, и мы не сделали в то же время исправления некоторых упущений по недосмотру содержащихся в первой редакции» [11, с. 65]. В подтверждение своей мысли автор приводит конкретные примеры относительно следующих поправок:

- поправки к статье 2062, когда при обсуждении остановились на предложении Государственного советника Жолливе, касающейся отношений аренды;

- поправки к статье 173, принятой по предложению Консула Лебрюна, касающейся главы III, Титула V (препятствия к браку);

- поправки к статье 588, принятой по предложению Государственного советника Мюрэра, касающейся главы I, Титула III (узурпация и задолженность по нему);
- поправки к статье 2024, принятой по предложению первого Консула, касающейся различия между случаем, когда кредитор принимает деньги, предлагаемые в качестве ручательства, и когда они были записаны для уловки (глава II Книги III, ч. I «О действительности поручительства»).

По мнению Лассалья, отличительная черта Кодекса Наполеона в его абсолютной независимости от конституционных законов и в том, что он согласовывается с любой формой правления, а также с привычками всех цивилизованных наций. Переходя к вопросу о соотношении между Кодексом Наполеона и публичным правом, автор указывает на секуляризацию брака и актов гражданского состояния, на отклонение от принципа нерасторжимости брака, на унификацию прав, закрепленных в кодексе, и равенство всех граждан перед законом, что есть результат не только политических законов, на отмену всех льгот. Кроме того, указывается на тесную связь между системой налогов Империи и гражданским законодательством. Это последнее соотношение определенно выражено относительно косвенного налогообложения, особенно в отношении регистрационных сборов и ипотеки.

Отдельное место в работе уделено соотношению между Кодексом Наполеона и французской судебной системой. Автор выделяет кассационный суд как наиболее заметный и значимый элемент этой системы, хотя, по его собственному признанию, кассационный суд упоминается в тексте кодекса только один раз при расторжении брака (ст. 263). По мнению Лассалья, законодатель допускает, что предписания кодекса будут завершены и дополнены судебной практикой независимых судов, чьи решения незамедлительно доводятся до сведения общественности. Автор обнаруживает также связь между Кодексом Наполеона и особым производством нотариусов, параллельным институтом спорных юрисдикций.

Нормы Кодекса Наполеона находятся в не менее совершенной гармонии с принципами гражданского процесса, последовавшего во Франции следом за Гражданским кодексом, чья характеристика состоит в следующем:

- в ограничении количества инстанций – не более двух;
- в публичном судебном разбирательстве и в судебных прениях;
- в разделении особого производства и искового производства;
- в контроле прокуратуры;
- внесудебные предписания в отношении лиц, осуществляющих определенные публичные функции;
- в институте судебных исполнителей, которые наделены полномочиями должностного лица.

В Кодексе Наполеона есть также несколько процессуальных правил, в том числе статья 126, которая разрешает в некоторых случаях вынести решение о лишении свободы за долги.

Завершая работу, Лассаль называет институты римского права, упраздненные Гражданским кодексом, и обращает внимание на новые принципы, которые он в себе воплотил, стремясь очистить систему гражданского права от ненужных или противоречащих духу времени институтов, а также противоречащих общественной нравственности и достоинству имени француза. Из старого права Кодексом были исключены, в частности, следующие институты:

- обручение (помолвка), которое больше не производит внешнего эффекта*;
- принудительное приданое (*la dot forcée*), происходящее из кутюмного права;
- *per oblationem curie*, институт, относящийся к брачно-семейным отношениям, в том числе по поводу узаконения внебрачных детей;
- поручительство и присяга опекуна с необходимостью подтверждения судьей;
- институт замещения, относящийся к опекаемому;
- завещание *huncipratifs*, совершаемое нотариусом в присутствии четырех свидетелей;
- завещание взаимной воли (*testaments réciproque*);
- привилегированные завещания, например, *le testamentum ad pias causas* и *le testamentum posterius imperfectum*;
- дарение на случай смерти;
- *le sénatus-consulte macédonien* (имущественные отношения в институте отцовской власти);
- *La règle catonienne*, известный институт римского права, касающийся завещаний (полное исследование этого института содержится в известном издании [12];
- *La datio in solutum* как способ замены первоначальной задолженности и удовлетворения требований кредитора [11, с. 95–96].

Представляя собой научную или доктринальную форму толкования Гражданского кодекса в том понимании, которое было свойственно юридическому сообществу в период после его принятия, доктрина

---

* Обручение считалось обещанием брака, что противоречило принципу свободы вступления в брак. С точки зрения редакторов Кодекса Наполеона обручение не является юридическим фактом, который может привести к правовым последствиям (примеч. В. Б.).

нальное толкование, даваемое учеными-юристами, практиками в целом, способствовало единообразному и правильному применению норм Гражданского кодекса, популяризации заложенных в нем принципов и положений. С другой стороны, большинство работ, посвященных Гражданскому кодексу, стали публичными площадками для изложения более широких взглядов на право, непрекращающейся полемики о праве естественном, позитивном праве, о морали и философии, об истории права и его делении на определенные отрасли. Существенная особенность работ, издававшихся после принятия Гражданского кодекса, состоит в наличии в них ссылок на римское право, многие институты которого еще продолжительное время оставались своеобразным священным эталоном, мерилем качества кодификационного процесса.

Определяющее значение с точки зрения обеспечения единообразного и правильного применения норм Гражданского кодекса имело аутентическое толкование, теория которого была хорошо разработана во французской правовой доктрине. Говоря о сущности аутентического толкования, М.А. Меилер де Шасса указывает: «Мы можем определить аутентическое толкование как разъяснение, даваемое по воле законодателя, когда имеется изданный перед этим закон» [5, с. 263].

Важнейшие положения, касающиеся порядка толкования, были закреплены в Законе от 10 сентября 1807 года. В статье 1 данного Закона говорится о случаях, когда имеет место толкование, в том числе в случаях, когда Кассационный суд отменяет два судебных постановления. В соответствии со статьей 2 Закона толкование дается в форме «регламентов публичной администрации» [13].

Особое значение придавалось заключениям Государственного совета, посредством которых разъяснялся смысл той или иной нормы Гражданского кодекса. Именно этот орган, являвшийся выразителем воли Наполеона Бонапарта и ключевым элементом в системе установившейся власти, позволял в силу своего авторитета обеспечить при помощи специальных заключений или мнений (*le avis*) правильное и единообразное применение норм Гражданского кодекса. Среди иных заключений Государственного совета, в первую очередь, следует отметить следующие:

- Заключение Государственного совета от 19 августа 1809 года N.CII (Art. 28 du C.N., т.е. ст. 28 Кодекса Наполеона, примечание *В. Б.*), одобренное императором 20 сентября 1809 года, относящееся к применению статьи 28 Гражданского кодекса и касающееся порядка управления имуществом осужденных;

- Заключение Государственного совета от 22 ноября 1808 года N.CIII (Art. 144 du C.N.), одобренное императором 21 декабря 1808 года о формальных требованиях, касающихся брака военнослужащих;

- Заключение Государственного совета от 14 октября 1809 года N.CIV (Art. 768 du C.N.), одобренное императором 3 ноября 1809 года относительно движимого имущества лиц, умерших в хосписе, и наследования выморочного имущества;

- Заключение Государственного совета от 10 сентября 1809 года N.CV (Art. 813 du C.N.), одобренное императором 13 октября 1809 года, касающееся денежных сумм, происходящих от наследования.

Заключения Государственного совета, принимаемые в период Первой империи имели строго определенную форму и структуру, как правило, состояли из вводной, описательной и заключительной или резолютивной частей, проходили обязательную процедуру одобрения императором и подлежали опубликованию в Бюллетене законов. Чаще всего заключения Государственного совета определяли порядок применения норм, содержащихся в Гражданском кодексе, Торговом кодексе и иных кодексах, норм, содержащихся в законах, декретах, постановлениях правительства. Например, в заключении Государственного совета от 14 октября 1809 года, одобренном императором 3 ноября 1809 года относительно движимого имущества лиц, умерших в хосписе, и наследования выморочного имущества в вводной части, указывалось на отложение Наполеоном Бонапартом существующего порядка и заслушивание Государственным советом докладов секций по финансам и законодательству, а также министра финансов. Затем в четырех пунктах излагались: представленные на рассмотрение Государственного совета положения эдикта, изданного в июле 1566 года и касающегося правил, установленных для госпиталя Сан-Эспри в Париже; положения эдикта, изданного в апреле 1656 года, устанавливающего правила для главного госпиталя в Париже; правила, содержащиеся в письмах-патентах от 13 сентября 1744 года относительно Дома неизлечимо больных, положения судебного постановления Суда первой инстанции Сены от 13 января 1799 года. После этого со ссылкой на статью 768 Гражданского кодекса Государственный совет излагает свое заключение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fenet, P.A. Recueil complet des travaux préparatoires du code civil / P.A. Fenet. Tom quinzième. – Paris, au Dépôt; Rue Saint-Andre-des-Arcs, № 51, 1829. – 611 p.
2. Егер, О. История новейшего времени. Революция во Франции 1789–1799 / О. Егер. – СПб. : Изд. А.Ф. Маркса, 1894. – Т. IV, кн. I. – 696 с.
3. Понкин, И. Столетие французского закона о разделении церковей и государства / И. Понкин. – М. : Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. – 78 с.

4. Allegre, C. Code civil commenté a l'usage du clergé dans ses rapports avec la Théologie morale, le Droit canon et l'Économie politique / C. Allegre. – Tome Premier. Delhomme et Briguet, Éditeurs Paris 13, Rue de l'Abbaye, 13. Lyon 3, Avenue de l'Archevêché, 3. 1888. – 490 p.
5. Mailher de Chassat, M.A. De l'interprétation des lois / M.A. Mailher de Chassat. – 2 édition. – Paris, Libraire de jurisprudence et d'administration d'Antoine Bavoux, éditeur, rue Git-le-Coeur, № 4. – 1825. – 280 p.
6. Aubry, C. D'après l'ouvrage allemande de C.-S. Zachariae. Cours de droit français / C. Aubry, C. Ray. – Paris, Place Dauphine, 27. – 1856. – 535 p.
7. Senat conservateur [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.Wikipedia.org/wiki/S%C3%A9nat_conservateur. – Дата доступа: 25.10.2011.
8. Klimrath, H. Essai sur l'étude historique du droit et son utilité pour l'interprétation du Code civil / H. Klimrath. – Strasbourg, 1833. – 56 p.
9. Brocher, C. Étude sur les principes généraux de l'interprétation des lois et spécialement du Code Napoleon / C. Brocher. – Paris, Ernest Thorin, éditeur, rue de Médicis, 7, 1870. – 268 p.
10. Folleville, D. Notion du droit et de l'obligation (introduction philosophique a l'étude du code civil) / D. Folleville ; Troisième édition. – Paris, Chez E. Thorin. Libraire, 7 rue de Médicis, 7, 1879. – 320 p.
11. Lassaulx, F. Des Caractères distinctifs du Code Napoléon / F. Lassaulx. – a Paris, Chez Madame Duminil-Lesueur, rue de la Harpe, 78, 1811. – 290 p.
12. Machelard, E. Étude sur la règle catonienne en droit romain / E. Machelard. – Paris, Augustin Durand, Libraire-Éditeur, rue des Grès-Sorbonne, 7, 1862. – 56 p.
13. Duvergier, J.B. Collection complete des Lois, Décrets, Ordonnances, Réglemens, Avis du Conseil-D'État. Depuis 1788, par ordre chronologique / J.B. Duvergier. Tome seizième. Deuxième édition. – Paris, Chez A. Guyot et Scribe, Libraires-éditeurs, rue Neuve-des-Petits-Champs, № 37. – 1836. – P. 168.

Поступила 20.03.2017

EXEGESIS OF THE FRENCH CIVIL CODE OF 1804

V. BOGONENKO

The period of exegesis, or interpretation, of the most famous in the history of the act codified civil law – the French Civil Code of 1804 is considered. French sources related to the first half of the XIX century, which have not previously been translated into Russian and have not been available for the study of a wide range of researchers are emphasised. The first experience of the interpretation of the Civil Code remained outside the majority of research works of foreign authors and has never been the object of comprehensive research of Russian scientists. The methods of interpretation of the Civil Code, as well as comments provided some of its provisions are analyzed. Particular attention is paid to the work of French researchers, which contain an indication of the most significant errors codified act and suggested remedies. The most significant advantages of the Code, the value of its provisions relating to property, persons, the status of women in marriage, as well as general questions about the nature and origin of the law are shown.

Keywords: Civil Code, civil law, contract law, law, the Code Napoleon, Roman law, the text interpretation.